

РИВА ДРУЧЕР

УДАЩА



Рива Арчер

Чаща

«Автор»

2026

Арчер Р.

Чаща / Р. Арчер — «Автор», 2026

ТИШИНА ПРИШЛА В НАШУ ДОЛИНУ. И это не к добру. О Белых ткачах слагают легенды. Их никто не видел вблизи, а те, кто осмеливался взглянуть, исчезали навсегда. Говорят, они забирают самых светлых, высасывая душу до последней капли. И в этот раз их выбор пал на мою сестру. Но я не приму эту тишину. Я готова стать новой нитью в их гобелене, если это цена за её спасение. Брошу вызов древнему страху, чтобы понять, кто они на самом деле. Но чем глубже я погружаюсь в тайну, тем страшнее становится правда. Мы встречаем их с кольями, потому что нас так учили. Но что, если монстры — это не они и чудовища скрываются в наших собственных сердцах?

© Арчер Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Про девицу с серыми глазами, её снежную сестру и костёр до самого неба	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Рива Арчер

Чаща

Пролог

Вечерняя хмарь тяжким, недвижимым покровом легла на болота. Воздух загустел, обравшись в смрадную пелену, пропитанную духом гнилой осоки и холодным камнем промёрзшей земли. В деревне Чаща последние отблески умирающего солнца цеплялись за острия крыш, бессильно стекая по мутным оконцам, выхватывая из сгущающейся тьмы лишь резные лики деревянных охлупней.

Ярина переступила порог хлева, сжимая в руках ароматный подойник. Дрожь пробежала по её телу, но, похоже, то был далеко не озноб от вечерней прохлады. Тишина навалилась снаружи. Поглотила все привычные звуки: шелест ветра, скрип колодезного журавля и даже лай собак. Мир замер, словно само болото за околицей выпило из него жизнь. Ярина была не из пугливых, но сейчас её пальцы, перепачканные молочной пеной, мелко тряслись, и девушка совсем не могла это остановить. Ей казалось, что кто-то невидимый стоит за её спиной и дышит в затылок. В углу хлева тревожно вздохнула корова Зорька, и Ярина, окончательно перепугавшись, побежала в дом.

Она внесла ведро в сени. Из горницы доносился ровный, чистый голос Милавы. Сестра, сидя у печи, разбирала по складам строки «Жития». Милава была не от мира сего. С самого детства, когда другие дети играли в горелки и лапту, девчонка могла часами сидеть на завалинке, глядя на облака, и тихо напевать мелодию. Её пальцы, тонкие и бледные, выводили в воздухе узоры, а волосы, светлее льна, казалось, впитывали в себя любой слабый свет, даже в сумерках. Говорили, бабка наша, по материнской линии, тоже была такой — «блаженной», и ушла в болото тридцать лет назад, что никто до сих пор не знал, то ли сгинула, то ли ушла жить к «ним», к тем, кого нельзя называть вслух. Отец, Гридя, сидел в углу, размеренно водя брусом по лезвию топора. Сухой, отрывистый лязг металла о камень сейчас был единственным звуком в доме, способным нарушить мёртвую тишину. Ярина поставила молоко на стол, встретившись взглядом с матерью, молча перебирившей лук для завтрашних щей. Едва успев опустить подойник, пальцы Ярины вздрогнули от неожиданности. Колокол, прозвучавший в вечерней тишине, разорвал её своим тревожным звоном. Удар. Ещё один. Третий. Частые, тревожные звуки набатом прокатились над деревней, возвещая далеко не о празднике. Сердце Ярины подскочило к горлу. И без того не отпускающее предчувствие плохого заставляло мысли сбиваться в запутанный клубок. Совсем как пряжа, с которой частенько любил поиграть местный деревенский кот Рыжик. Рука отца замерла. Тот медленно поднял голову, отложил брус и тяжело встал, на ходу натягивая кожух. Ярина бросилась за ним, судорожно завязывая под горлом узел платка. Милава испуганно вскинула глаза от книги, но мать властным жестом приказала ей оставаться на месте.

На утопанной площадке у старого дуба уже клубилась толпа. Мужики сжимали в мозолистых ладонях косы и дубины, бабы прижимали к себе притихших детей, а старики стояли бледными изваяниями. Все их взгляды были устремлены за околицу, туда, где вспаханные поля сходили на нет и начиналось Чёрное болото, *Городище*, как называли местные.

С краю толпы стояла Ведана. Последняя жрица, Бабка-ведунья, чей род помнил обряды древнее самой деревни. Её тёмная одежда сливалась с наступающими сумерками, оставляя видимым лишь старое, белое лицо. Ведане было восемьдесят три года — или все сто, никто

точно не знал. Говорили, что её мать ещё застала тех, кто клал первый венец Чаши, а сама Ведана помнила времена, когда на месте нынешнего погоста стояло капище с тремя идолами, которых потом сбросили к подходу в Городище чернецы с севера. Жрица смотрела в туманную даль болот, прищурился глаза. Никто из жителей не решался подойти к ней ближе чем на десяток шагов.

— Ткачи идут, — прошепел её голос. — Разлом открылся.

Её слова осязаемо повисли в воздухе. Женщины ахнули, крепче прижимая к себе детей. Ярина слышала о ткачах лишь в страшных зимних сказках. Не мертвецы и не бесы... нечто среднее. Полунежить, обитающая в щелях мироздания в старых разломах тверди. Говорили, их пальцы длинные и сухи, движутся не по-человечески, вечно сплетая невидимые нити. Нити эти могут затянуть душу, опутать разум снами, чуждыми этому миру, и выпить саму суть живого.

— Откуда знать? — хрипло спросил Гридя, подходя к старухе. Его могучая фигура заслонила часть света от ближайшего факела. — Может, видение твоё очередное?

Ведана медленно повернула к нему голову. Её взгляд скользнул по его лицу, задержался на мгновение на фигуре Ярины за спиной отца и ушёл глубже, в толпу, где, укрытая женскими спинами, стояла Милава. Губы жрицы скривились в подобие улыбки. Она видела этот сон уже три ночи подряд: ноги беловолосой девчонки ступают по чёрной воде, а из глубины тянутся бесчисленные тонкие руки, такие же светлые, как её пряди. Вчера Ведана проснулась с горлом, полным тонкой белоснежной паутины, хотя перед сном обмывалась святой водой. Знамение было яснее ясного.

— Воздух тянет оттуда, — проскрипела она, спрятав воспоминание глубже в мысли. — Пахнет их кровью. Они идут прямо сюда, в Чашу.

Её палец с кривым, жёлтым ногтем поднялся и указал точно на Милаву. Девушка выглянула из-за спины матери, и её широко распахнутые глаза отразили дрожащий огонь факела.

— Идут за своим. За ней... Она проклятие рода вашего.

Толпа взорвалась приглушённым гулом ужаса. Радослава, мать, вскрикнула, инстинктивно заслоняя собой дочь. Лицо Гриди побелело, костяшки пальцев на рукояти топора хрустнули от перенапряжения. Он не понимал и половины из того, что говорила старая ведьма, но отчётливо понял одно: его ребёнка хотят забрать. Не медведь, не лиходеи с большой дороги, а нечто, против чего его топор был бесполезной железкой. Бешенство, примешанное к беспомощности, сейчас делало его злее, чем когда-либо. Он вспомнил, как нёс Милаву на руках впервые — крохотный кулёк, пищащий, с зажатыми в кулачки пальчиками. Он дал тогда себе слово, что никто и ничто не тронет эту кроху. А теперь его слово трещало, разбиваясь об мрачную реальность.

— Что за бредни! Она же совсем дитя!

— Не дитя, — отрезала Ведана всё так же ровно. — Душа её отмечена и маячит в их мире. Ткачи идут на этот зов. Придут и заберут своё. А если воспротивитесь, сплетут паутину над всей деревней, и уснём мы вечным сном, пока они будут тихо высасывать из нас последнее живое тепло.

Ярина посмотрела на сестру. Милава не плакала. Девушка слушала приговор, но в её ясных глазах плескалась лишь растерянность.

— Что делать?! — истерично выкрикнул кто-то из задних рядов. Кузьма, мельник, трусоватый мужик с вечно мокрыми от пота усами. У него самого четверо детей, и его голос сейчас дрожал от одной только мысли, что Ткачи могут обратить взгляд на его кровиночек. Он явно готов был отдать чужого ребёнка, не задумываясь, — лишь бы откупиться. И таких в толпе было больше половины.

— Есть древний обряд, — глухо произнесла Ведана, обрывая беспокойные возгласы деревенских. — Встретить их не с оружием, а с даром. Вывести девочку на опушку к старой

меже и уйти, не оглядываясь. Ткачи возьмут своё и уйдут, разлом их затянется, а наша деревня будет жить дальше.

— Ты предлагаешь отдать ребёнка? — голос Гриди сорвался на рык. Он сделал несколько шагов вперёд, закрывая собой жену и дочерей. — Мою кровь?

— Я предлагаю спасти остальных, — холодно ответила жрица. — Ибо топоры ваши против их пряжи — что щепки против речной струи.

В ответ на её слова над болотами поднялся ветер, сквозь который улавливалось потрескивание ломающихся сухих веточек. Звук приближался, вплетаясь в абсолютную тишину деревни, становясь её частью. Ярина стояла позади всех, сжимая в кармане юбки маленький крестик, который всегда носила с собой. Она не знала, чем он поможет против Ткачей, но решила, что если сестру поведут на опушку, она пойдёт следом. И пусть старая карга говорит, что хочет. Кровь — не нить, её не так легко распустить.

Глава 1. Про девицу с серыми глазами, её снежную сестру и костёр до самого неба

Холодный воздух проходил в комнату сквозь щели между брёвнами. Тянуло дымом из печи. Ярина сидела на широкой лавке у окна и смотрела на пустой двор и голые ветки яблони. Её чёрные, как уголь, волосы были туго заплетены в две ровные косы, тяжело лежащие на груди. Длинные худые руки с бледными пальцами замерли на коленях. Лицо оставалось спокойным, почти отрешённым. Только лёгкая складка между бровями выдавала привычную сосредоточенность.

В комнате было просто. Стол, две лавки, сундук и полки с потрёпанными книжками. На стене висел пучок засохшего чабреца.

Дверь распахнулась. Из сеней хлынуло тепло, а следом влетел звонкий голос Милавы. Она вбежала в комнату быстро, словно её толкали в спину. Длинные белые волосы, ещё не заплетённые, развевались за её спиной. Щёки горели румянцем, а глаза смеялись.

Здесь, в *Чаше* — забытой маленькой деревне, почти у всех были такие же тёмные волосы, как и у Ярины. Старики и молодые, даже младенцы рождались с угольными прядями. Но были и те, кто выделялся: жрецы и волхвы. Их волосы были цветными — ярко-рыжими, как огонь, или коричневыми, как влажная глина. Этим цветом их путь был предопределён ещё с самого рождения. Но Милава, её младшая сестра, выглядела иначе. Её волосы, единственные во всей деревне, были белыми, как зимний снег.

— Ярин, ты всё ещё здесь сидишь? — Милава запрыгнула на лавку рядом, и дерево под ней жалобно скрипнуло. — Мать уже пироги с репой и грибами из печи достаёт. Отец медовуху новую открыл — бочку целую. Пахнет так, что за версту слышно.

Ярина медленно повернулась к сестре. Её серые глаза внимательно смотрели на живое лицо Милавы.

— Всё успеется. Вечер ещё не скоро, а праздник только после заката.

— Огниско-Проводы! — выдохнула Милава и сжала в кулаках складки своей понёвы. — Самый шумный праздник. Костёр до неба, песни, пляски. А после будут гадания... Ты ведь пойдёшь к огню слушать шёпот? Говорят, в эту ночь предки совсем рядом, и можно услышать, что ждёт зимой.

— Можно услышать то, чего не ждёшь, — поправила Ярина и снова посмотрела в окно. — Не всякий шёпот к добру.

— Вечно ты так, — отмахнулась сестра, но тут же придвинулась ближе и заговорила тише. — Слышала, что Слав из-за реки придёт. Он у отца спрашивал, можно ли в нашу хорошеводную статью. Папаня кивнул. Ты бы видела, как тот покраснел...

Ярина только слегка наклонила голову. Её пальцы медленно провели по грубой шерсти юбки. Из-за стены, из горницы, доносились приглушённые голоса. Голос отца Гриди был низким и густым, голос матери — более высоким и быстрым. Слов было не разобрать, только сам ритм разговора: о сегодняшнем дне, заготовках и гостях.

— ...не хватит, я же говорила, надо было ещё на прошлой неделе послать, — донеслось отрывисто и устало.

— *Хватит, Рада. На всех хватит,* — ответил отец спокойно и твёрдо. — *Ярина всё равно не будет пить... Дрова подвезли? Чтобы огнище горело до утра.*

Ярина слушала эти привычные разговоры и смотрела на складки занавески из грубого полотна. Ночь Огниско-Проводов была рубежом. Последний большой костёр перед тем, как

земля уснёт под снегом. Проводы тепла, света и шума. Встреча тишины, холода и долгих ночей. Она чувствовала эту грань, и сейчас её белая кожа на руках казалась ещё бледнее при тусклом свете масляной лампы.

— Тебе какое платье подать? — не унималась Милава, уже перебирая вещи в сундуке. — Синее? С вышивкой?

— Обычное, серое. Которое тёплое, — ответила Ярина и поднялась с лавки.

Девушка подошла к деревянному умывальнику и взяла медный ковш с холодной водой. Плеснула воду на лицо. Кожа тут же покрылась мурашками. Сегодня нужно быть собранной, ведь после заката мир станет другим, и в нём не будет места лишним мыслям. Ярина вытерла лицо грубым полотенцем. Холодная вода немного прояснила голову. Из-за стены голос матери стал ближе — она вышла в сени.

— Девки! — окликнула женщина, вытирая влажные руки о фартук. — Идите помогать. Посуду несите на улицу, да скатерть стелите. Гости уже скоро начнут собираться.

Милава вздохнула, но спорить не стала. Она скинула домашнюю безрукавку и надела поверх рубахи яркий синий сарафан. Ярина же просто накинула на плечи тёмно-серую свиту из плотного сукна и застегнула её на костяную пряжку. Её чёрные косы снова покоились на груди.

Они вышли в сени, а оттуда в просторную кухню. Здесь пахло топлёным маслом и сладковатым духом свежего хлеба. На длинном столе у печи стояли глиняные миски, деревянные чашки и берестяные туеса. Радослава, женщина с усталым, но острым лицом и живыми серыми глазами как у Ярины, быстро переставляла горшки. Её красные от работы руки двигались ловко и привычно.

— Яра, возьми миски с капустой и грибами, — сказала она, не глядя. — Мила, хлеб и пироги — на большой поднос. Отнеси к столу на улицу, под навес. Только смотри, не урони.

Отец стоял у открытой двери в клеть, где хранились запасы. Он был высоким, широкоплечим, с густой бородой, тронутой сединой. В руках он держал дубовое ведро, из которого смачно тянуло крепким запахом мёда и хмеля.

— Бочку под навес уже выкатил, — сказал он, обращаясь скорее к самому себе. — Вечером начнём черпать... Только сначала огнище разожгу.

Ярина молча взяла две широкие миски. Квашеная капуста была холодной, и стеклянная глазурь на глине скользила под пальцами, норовя и вовсе выпасть из рук. Девушка вышла за порог.

Осенний воздух ударил в лицо сильнее, чем домашние запахи в комнате. Двор был большим, утоптаным, обнесённым высоким забором из острых кольев. Справа стоял крытый навес на толстых столбах — здесь в тёплое время года ели и работали. Под навесом уже стоял длинный крепкий стол и дощатые скамьи. Вокруг была тихая, почти мёртвая тишина. Её не нарушал даже ветер, отчего казалось, что весь мир затаил дыхание перед особенной ночью.

Ярина поставила миски на стол, поправила складки свиты. Из дома вышла Милава с огромным подносом, на котором лежали румяные караваи и пироги-расстегаи. За ней вышла Радослава с охажкой деревянных ложек и ножей.

— Отец пошёл за берестой для растопки, — сказала Милава, расставляя выпечку. — Сказал, главную лучину сам зажжёт.

Из-за забора слышались голоса, а потом скрипнула калитка. Пришли первые гости — соседи из дальнего конца села. Мужик в зипуне и женщина в тёмном платке несли свои дары: горшок с тушёной репой и берестяной короб с сушёными яблоками. Радослава пошла им навстречу, её голос сразу стал особенно приветливым. Ярина осталась стоять под навесом. Смотрела, как двор постепенно наполняется людьми. Приходили семьями, с детьми. Женщины в цветных понёвах и платках, мужчины в серых и коричневых кафтанах. Все говорили негромко, без привычного для летних праздников смеха. Их разговоры в основном шли о последнем урожае, о скоте, заколотом на зиму, и том, как правильно чинить сани.

Гридя вернулся с охапкой сухой бересты и длинной сосновой лучиной. Направился к центру двора, где на утоптанной земле уже была сложена груда толстых поленьев. Мужики обступили его и заговорили о том, как лучше сложить дрова, чтобы костёр горел долго.

Ярина отвернулась и пошла к задворкам, к колодцу-журавлю. Среди шумных гостей было тяжело, и сейчас ей больше всего хотелось хоть на мгновение остаться одной. Она оперлась о холодное бревно сруба и посмотрела на лес. Тот стоял за полем чёрной щетиной.

День угасал быстро, без всяких красок. Серая пелена неба на востоке начинала густеть и превращаться в синеву. В ночь Огниско-Проводов огонь жгут не просто так. В него бросают старые, отслужившие вещи, чтобы очиститься от всего ненужного перед зимней тьмой. Будут водить хоровод по солнцу — в последний раз. Потом прыгать через угли для здоровья и удачи. А когда пламя упадёт, наступит время тишины и слушания. Будут кидать в огонь специальные травы, и по дыму, треску поленьев и шёпоту пламени жрецы попытаются услышать вести от тех, кто давно ушёл, и знаки для тех, кто остался.

Ярина положила ладонь на холодное дерево колодца. Она не боялась предков. Не боялась пустоты и тишины, в которой можно не услышать ответа. Как она уже говорила Милаве, Ярина больше переживала услышать что-то не то.

Сзади раздался топот. Подбежала запыхавшаяся Милава.

— Ярин, иди скорее. Отец лучину сейчас зажжёт. Там уже все собираются.

Ярина кивнула и пошла за сестрой обратно во двор. Вокруг дров уже действительно собралась толпа. Люди стояли молча и смотрели в центр, на Гридю. Он стоял у подножия поленицы. В одной руке у него была сосновая лучина, в другой — маленький глиняный свец с тлеющим угольком. Все замерли, и даже самые шумные соседские дети притихли.

Гридя поднёс конец лучины к углю и начал тихо дуть. Уголёк вспыхнул маленьким алым глазком. Потом зашипел, и по лучинке побежал первый робкий жёлтый огонёк. Он задрожал на ветру, но не погас. Наоборот, разгорелся сильнее, охватывая смолистую древесину. Гридя поднял горящую лучину над головой. Пламя запылало ярко, осветило его серьёзное бородатое лицо, заставило блеснуть глаза. Он медленно, торжественно повернулся на все четыре стороны — показывая огонь земле, небу, лесу и реке. Потом наклонился и поднёс лучину к бересте под поленицей.

Сухая береста вспыхнула, оранжевые языки почти сразу лизнули нижние поленья, зацепились за сучки и поползли вверх. Треск становился громче и увереннее, и уже через несколько мгновений всё сложенное огнище было охвачено живым, танцующим пламенем. Жар волной хлынул на стоящих вокруг, отгоняя осенний холод. Лица людей, ещё недавно бледные, теперь озарились тёплым, подвижным светом. Кто-то из стариков, седой, с палкой в руке, глухо проговорил:

— *Гори, свети, зиму зови. Проводи осень, храни нас во тьме!*

Все этого и ждали. Общее молчание лопнуло, позади раздался облегчённый вздох. Потом голоса — сначала тихие, потом громче. Женщины начали ставить на стол еду. Мужики потянулись к бочке с медовухой, зачерпнули первые ковши. Дети забегали по краю костра, радуясь, что их больше не заставляют молчать. Праздник Огниско-Проводы начался.

Ярина стояла возле костра. Чувствовала жар огня на своей бледной коже. Смотрела, как пламя пожирает дерево, а искры улетают в темнеющее небо и гаснут в его глубине. Сердце билось ровно, но тяжело. Вдруг девушка почувствовала на себе чей-то взгляд и повернула голову.

Из-за спины отца, у бочки с медовухой, на неё смотрел молодой парень. Слав... Высокий, с каштановыми волосами, в чистой льняной рубахе. Юный волхв, внук Веданы — жрицы, которая жила на краю деревни. Парень быстро отвёл глаза в сторону. Смутился, что его заме-

тили. Ярина медленно перевела взгляд обратно на огонь. Её длинные худые руки скрестились на груди под свитой. Пусть смотрит, ей сейчас было не до того.

Костёр горел ровно и сильно. Жар отодвинул холодную сырость на самый край двора. Люди расслабились. Заскрипели скамьи, застучали ложки и ковши. За большим столом под навесом стало совсем тесно. Ярина села в конце, между старой соседкой и матерью. Ела она мало: кусок хлеба, ложку тушёной репы с грибами. Медовуху не пила. Радослава хмуро посмотрела на её полную чашку, но ничего не сказала. Милавы за столом не было. Она крутилась около молодёжи у бочки. Её звонкий смех слышался по всему двору.

После еды пришло время хоровода. Люди поднялись из-за стола и образовали широкий круг вокруг огнища. Костёр уже прогорел до мощных углей. Все взялись за руки и запели. Песня была о последнем снопе и о спящей земле. Движение началось медленно — против солнца, навстречу уходящему свету.

*«Сохнут травы, замолк крылатый хор,
Снеговые тучи ползут с полночи.
Огниско, дай искру сквозь тёмный бор,
Чтоб теплом согреть зоревые очи.»*

Ярина стояла в кругу. Её правая рука держала мозолистую ладонь старого дядьки Гаврилы, а левая — холодные тонкие пальцы соседской девчонки. Она делала шаги в такт, но губы её не шевелились. Ярина просто слушала.

*«Гасни, жар, в сугробы-заносы,
Вздохни пеплом в ладони зимы.
А весной, сквозь живые росы,
Огниско, воротимся мы!»*

*«Над кромкой речной, у осоки,
Зазвенит золотая вода.
Мы вернёмся, забытые богом,
Словно не было в мире льда.»*

Хоровод сменился обрядом. Старики вынесли корзину со старым хламом: сломанную прялку, истоптанные лапти, высохший веник, обрывки ткани. Всё это стали кидать в огонь. Каждый предмет вспыхивал по-своему: лапти шипели, прялка горела ярким жёлтым пламенем, ткань взвивалась пепельным комком. Гридя говорил громко: «Сжигаем старое, чтобы новому путь был. Сжигаем худое, чтобы доброе жило». И люди смотрели на это с благоговением.

Костёр прогорал.

Пламя почти упало, оставляя после себя груды багровых раскалённых углей, окаймлённых пеплом. Жар стал сухим и тяжёлым. Небо теперь было совсем чёрным, без единой звезды. Дым от костра тянулся тонкой струёй прямо вверх, в полную темноту. Шум стих, всех детей увели спать. Остались взрослые, самые старшие, и несколько человек средних лет, которые знали толк в гадании. И Ярина с Милавой.

Девушка подошла ближе к углям и села на землю, подстелив край свиты. Позади неё уселись другие, образовав полукруг. Принесли пучки трав: полыни, чабреца и зверобоя. Гридя бросил первую горсть на угли. Поднялся густой ароматный дым — горьковатый и пряный, он вился низко, окутывая сидящих. Наступила тишина.

Все смотрели на дымные узоры, пытаясь разглядеть что-то своё. Ведана, старая жрица, склонилась над костром почти вплотную и начала шептать:

— Идёт... Идёт по снегу не одна... — Её голос был хриплым, прерывистым. — Стук по дереву. Топор, что ли? *Нет...*

Люди замерли. Ярина прикрыла глаза. Она не смотрела на угли. Девушка слушала тишину вокруг шёпота, и в ушах у неё стоял лёгкий звон.

— ...холодно... очень холодно. Белым всё бело... — продолжала шептать старуха. — Великое противостояние грядёт. Столкнутся люди со своими кошмарами, и мир их перевернётся.

Ярина неожиданно распахнула глаза. «*С кошмарами?*» Ей стало интересно. Кошмарами здешних людей всегда были вещи простые и понятные: неурожайный год, гибель скота или мороз, который выбивает всходы. Да ещё отсутствие свежих сплетен на долгие зимние вечера. Разве этого мало? Неужели их ждёт что-то другое, более серьёзное? Что же может быть страшнее голода и холода?

Ведана выпрямила спину и откинулась от жара. Её морщинистое лицо в дыму казалось каменным.

— Больше ничего не слышу, — сказала она громко и отчётливо, стирая из голоса всю былую таинственность. — Огонь умолк.

Её слова повисли в воздухе и растворились в ночи. Люди вокруг зашевелились, закашляли, стали подниматься с остывшей земли. Обряд слушания был окончен, а Огниско-Проводы подходили к концу.

Ярина с Милавой вернулись в горницу. Мать и отец ещё оставались во дворе, провожая последних гостей. Ярина заслонила светец рукой, поправляя тлеющую лучину. Милава сбросила синий сарафан прямо на сундук и осталась в одной рубахе. Её белоснежные волосы, расплетённые на ночь, упали на плечи.

— Ну и гадание сегодня, — сказала она и села на лавку, с силой проводя гребнем по волосам. — «*Стук по дереву*», «*великое противостояние*»... Как в страшной сказке. Может, Ведана просто сонная была или отцовской медовухи лишнюю порцию пригубила?

Ярина села напротив и начала распускать свои косы.

— Ведана обычно не говорит просто так. Не путает сон с явью.

— А что же это может быть, по-твоему?

— Истина.

Милава прищурилась и остановила гребень.

— Истина — это дрова заготовить, корову подоить да пряжу спрясть. Какая же ещё есть истина, помимо этой.

Ярина молчала и разделяла волосы на три части для ночной косы. Милава, не дождавсь ответа, вздохнула.

— Ладно, не думай. Всё равно не угадаешь, что жрецы себе там нашептали. Лучше скажи: ты видела, как Слав на тебя смотрел у костра? Я точно видела.

Ярина затянула конец косы кожаным ремешком.

— Видела. И видела, как он тут же глаза отвёл.

— Ну и что? — Милава оживилась. — Смутился, это же хорошо. Значит, ты ему не безразлична.

— Значит, ему неловко, что его заметили, — поправила Ярина и встала. — И мне тоже. Спи, Милава. Утро будет ранним, а день — долгим.

Ярина легла, повернувшись лицом к бревенчатой стене. За спиной слышался шёпот сестры: «*Вечно ты всё усложняешь*». Потом скрипнула лавка, и вскоре наступила тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.